
К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ И СМЫСЛАХ ТЕОРИИ ОБЩЕГО БЛАГА

Чигарев Геннадий Георгиевич, канд. ист. наук, доц.

Воронежский государственный университет, Университетская пл., 1, Воронеж, Россия, 394018; e-mail: gchigarev57@gmail.com

Предмет: геополитическая и макроэкономическая конструкция современного мира претерпевает серьезные потрясения, что несет в себе угрозы необратимых изменений и одновременно провоцирует спрос на определенные новации в методологии анализа и оценки происходящего и прогноза будущего. Всякая новая альтернатива в арсенале мировой экономической мысли, к тому же если она приобрела качество «нобелевского феномена», заслуживает обстоятельного критического анализа. *Цель:* на основе методологии критического анализа определить место и роль постулатов «нобелевского феномена» в контексте существующих экономических реалий, нарративов «господствующих» экономических воззрений, явных и латентных запросов социума на образ отдаленного будущего. *Дизайн исследования:* определялся авторским замыслом идентификации постулатов публичной лекции нобелевского лауреата по экономике Жана Тироля (г. Москва, 2018 г.) на основе широкого применения диалектического метода исследования путем их погружения в логику современных экономических реалий и тенденций, а также в контекст существующих научных концепций. *Результаты:* верифицирован авторский тезис об идеалистическом характере теории общего блага, установлены её «генетические истоки», уходящие как к далеким европейским традициям, так и к интеллектуалам современности, выдвинута авторская гипотеза о данной теории как о признаке кризиса неолиберальных воззрений, персональных разочарований и поиска альтернативных исследовательских решений, дана авторская оценка перспектив неолиберальной парадигмы и теории общего блага с точки зрения встраивания её смыслов в реальные институты рыночной экономики и демократического общества.

Ключевые слова: экономическая теория (economics) как нравственная и философская категория, производство и поставка общего блага, правила политики общего блага, политика государства, несовершенство рынка, социальная ответственность, неолиберальная парадигма,

глобализация, спекулятивный капитал, концептуальный кризис, образ будущего.

DOI: 10.17308/meps/2078-9017/2023/3/8-26

Введение

Для понимания актуальности и значимости данной статьи следует обратить внимание на скупую аннотацию журнала относительно публикуемого текста лекции Ж. Тироля, которая свелась практически к следующему суждению: «...автор описывает миссию социолога и то, как экономика может принести общее благо» [8, с. 6]. Не удивительно, что данный текст не получил видимого резонанса в среде научной общественности: по меньшей мере автору статьи не известны следы критического анализа основных идей нобелевского лауреата на страницах последующих номеров журнала. Публичный характер лекции не лишает её содержание концептуального теоретического характера и альтернативного видения трендов развития экономической мысли и, в общем, нашей цивилизации. И более того, мы уже стоим на краю «цивилизационного разлома» и не совсем понимаем его характер и масштабы. Даже робкие попытки критического осмысления новой либеральной парадигмы Ж.Тироля позволяют хоть как-то продвинуться в этом направлении. Наша цель заключается в том, чтобы дать взвешенную оценку «нобелевскому феномену» на основе достоверной интерпретации его образа, генезиса, его внутренних смыслов, адекватной методологии критического анализа, позволяющей найти его истинное место в противоречивом концепте будущего нашей цивилизации.

Методы и результаты анализа

Методология проводимого исследования определяется его теоретическим характером, что предполагает высокий уровень абстракции, постоянной смены (манипуляции) приемов индукции и дедукции, восхождения от частного к общему и обратно, сочетания логического и исторического, аналогии и сравнительного анализа. Последовательное применение диалектического метода в исследовании «нобелевского феномена» позволяет нам воспринимать его через призму единого целостного и противоречивого мира, через понимание относительности любой умозрительной конструкции, как и экспертных оценок по поводу её истинности.

О сущности и миссии теории общего блага

В лекции Ж.Тироля присутствуют свидетельства того, что он вносит новации в сложившейся формат либеральной парадигмы рыночного хозяйства, рыночной экономики в виде верховенства общего интереса, тем самым наделяя экономическую теорию (Economics) новыми компетенциями, требующими междисциплинарного синтеза и нового уровня обобщения глобального развития. Основной труд Ж.Тироля («Economics for Common Good» – «Экономика ради общего блага»), по утверждению самого автора, «развивает видение экономической теории как нравственной и философской науки» («develops a vision of economics as a moral and philosophical

science»), «объясняет, как экономическая теория может помочь нам понять мир и проводимую политику» («it explains how economics can help us understand the world and guide policy») [8 с. 6].

Сущность любой экономической категории, концепции раскрывается в её целевых установках, функциях. Нобелевский лауреат определил миссию (амбиции) теории общего блага как помощь обществу в создании институтов, работающих на общий интерес («The ambition of the economics for common good is, in short, to help build institutions that will work in the general interest»). Для автора статьи даже эти «научные пассажи» Ж. Тироля выглядят некой фантазмагорией. Еще большее недоразумение может вызвать, как говорится, руководство к действию, или миссионерские наставления для апологетов экономики для общего блага. У нас нет возможности (скорее, мы не готовы это сделать) останавливаться на полном алгоритме подобных действий: достаточно привести первоочередное.

Ж.Тироля констатирует, что все экономические субъекты, включая граждан и государство, действуют в логике индивидуального интереса без всякого присутствия каких-либо мотивов, связанных с общим, как-то объединяющим их, интересом. Он обращается к потенциальным сторонникам теории общего блага с риторическим вопросом – что мы можем сделать? Затем отвечает на него следующим образом: «первое, что мы можем сделать, так это попытаться оказывать влияние на граждан, компании, регионы и государства таким образом, чтобы они вели себя лучше: принимали в расчет не только свои собственные интересы, но и также – общий интерес» («The first thing we can do is to try to persuade citizens, firms, states, countries to behave better and take into account not only their own interests but also the general interest») [8, с.7].

Можно быть уверенным, что три-четыре года назад подобные проекты большинством отечественных профессионалов воспринимались как умозрительная экзотика, не имеющая серьезных шансов на практическое воплощение. Хотя нобелевская премия по экономике заставляла относиться к постулатам Ж.Тироля со всей серьезностью. Отсутствие какой-то полемики по этим постулатам вряд ли можно использовать в качестве критерия их научной значимости. Скорее это свидетельствовало о серьезном расхождении векторов научных исследований в области экономической теории в России и за рубежом, что станет достаточно очевидным ближе к завершению данной статьи.

Причем здесь глобализация и неолиберальная парадигма

Первая эмоциональная реакция на лекцию Ж.Тироля не должна нас вводить в заблуждение относительно непредсказуемости его постулатов в среде отечественной научной мысли и экономической жизни как таковой. Описание данного явления в виде расхожей фразы – «как гром среди ясного неба» – было бы явным преувеличением: во втором десятилетии текущего века «атмосфера» международных отношений не сулила ничего хорошего,

как говорится – «сгущались тучи». Не с бухты-барухты наметился кризис либеральной парадигмы рыночного хозяйства, который приводил в смятение её апологетов и являлся серьезным вызовом для мировой научной мысли, мировой научной общественности.

Самое парадоксальное в этом явлении то, что институциональная угроза, так сказать, «прокатанной» либеральной парадигме надвигалась не с Востока, откуда, казалось бы, следовало её ожидать (имеем в виду коммунистический Китай), а с Запада с его (в недавнем прошлом) настойчивым требованием проведения либерализации экономических отношений в странах с развивающимися рынками. Примечательно, что сигнал «отбой!» прозвучал тогда, когда главное детище либеральной парадигмы – это глобализация достигла своего апогея. Действительно, свободное международное движение товаров и капиталов через рыночные институты обмена привело к таким механизмам перераспределения национального дохода между странами, которые сейчас некоторые серьезные политики относят к проявлениям «неоколониализма». Действительно, парадигма глобализации (использование дешевого труда и дешевого капитала) привела к высокому уровню взаимной и односторонней зависимости, к появлению и обогащению транснациональных компаний, к определенной выгоде от международного разделения труда как стран развитых, так и развивающихся.

Глобализация с ее аполитичным транснациональным капиталом, самонадеянность Запада в своем институциональном и технологическом превосходстве – все это «убаюкало» геополитические амбиции и интересы стран Запада и породила парадоксы, составляющие им потенциальную угрозу. Неожиданно для себя Запад обнаружил, что либеральная модель рынка способна принести дивиденды не только ему, но и странам, стоящим за очерченным кругом «западных ценностей», западной демократии. Китай, принявший предложенные Западом рыночные правила хозяйственной деятельности, с невиданной по меркам исторического времени скоростью, поглощал западные инвестиции, наращивал экспорт в условиях низких издержек производства и высоких гарантий внутривнутриполитической стабильности, так важных для иностранного инвестора. Из нищей аграрной страны Китай превратился в «мировую фабрику», в мирового кредитора и инвестора, серьезного геополитического игрока с развитой конкурентной экономикой, с глобальным влиянием которого приходится считаться.

Перспектива конкуренции с Китаем в рамках сложившейся практики мирового хозяйства не сулила коллективному Западу очевидного успеха. Переход от торговых и валютных войн к политике прямого сдерживания России и Китая на началах экономического, политического, военно-политического, информационного и идеологического давления на эти страны означал реформирование политики, прежде всего, США и невольное признание Западом тем самым несостоятельности для него прежнего экономического формата указанного противостояния. Предсказуемые потре-

бительские и внутривластные издержки такого перехода выставляли запрос на социально-политические и нравственные начала консолидации западного общества с учетом его духовных гуманистических традиций и сложившихся демократических институтов. Нельзя недооценивать идейные «мобилизационные» ресурсы коллективного Запада, включая социальное проектирование идеалистического экзистенциального характера.

Безусловно, «китайский контекст» не дает нам полноценной верификации системной трансформации мирохозяйственных связей и отношений и может скрыть более глубокие её причины. Необходимо понимать, что создание и развитие транснациональных компаний в формате неолиберальной парадигмы стало главной причиной процессов глубокой и всеобъемлющей мировой интеграции, получившей название глобализации. Банальный коммерческий интерес и понятный в этой парадигме стимул к увеличению прибыли национальных компаний, национальные различия в стоимости капитальных и трудовых ресурсов, ограниченность внутреннего рынка и соответственно выпуска продукции – все это провоцировало трансграничное движение национального капитала с образованием ТНК. Вместе с этим возникали потребности ТНК в создании новых и в либерализации действующих институтов обеспечения свободного трансграничного движения товаров и капиталов. Например, образование транснациональных банков, рынка производных финансовых инструментов, рынка евровалюты являются прямым следствием указанного процесса. Нетрудно понять, что глобализация как естественное порождение рыночного хозяйства, характеризуемое стоимостными количественными показателями и прогнозируемыми пределами своего развития, неминуемо должна была подойти к кризисному периоду своего жизненного цикла.

Главным противоречием, способным, если не похоронить глобализацию в ее неолиберальной версии, то, по меньшей мере, затормозить или обратить вспять ее развитие, было противоречие между нею и национальными интересами. В условиях болезненной трансформации мировой экономики, а именно, образования двух полюсов – это «полюса инвестиций» (страны с развитой экономикой) и «полюса сбережений» (развивающиеся страны), процесс либерализации валютного рынка, внешнеэкономической деятельности и движения капиталов «открывал шлюзы» для утечки капиталов за рубеж. Россия в отличие от Китая постоянно испытывала «инвестиционный голод» при положительном сальдо платежного баланса и преодолела инвестиционный порог по методологии международных рейтинговых агентств только в 2003 году.

Глобализация породила институты «производства спекулятивного капитала», паразитирующего на процессах свободного движения товаров и капиталов и создающего «финансовые пузыри». «Финансовые пузыри», образующиеся в активах крупнейших западных компаний, в условиях беспрепятственного движения капиталов несут серьезную угрозу экономической

финансовой безопасности других стран, в том числе России. Характер и масштабы этой угрозы уже идентифицированы в исследованиях отечественных ученых-экономистов, заслуживающих доверие. С.Ю. Глазьев обращает наше внимание на то, что в крупнейших (top-5 и top-25) американских финансовых холдингах деривативы многократно (соответственно по состоянию на 2019 год, в 21 раз и в 15 раз) превышали активы [1, с. 8]. Мы склонны предположить, что такое нынешнее финансовое состояние американских финансовых холдингов является следствием замеченного в научном мире постепенного перехода в США от менеджериальной корпоративной модели управления в ранние послевоенные годы к настоящей корпоративной «модели максимизации акционерной стоимости». Не стоит недооценивать и роль начавшейся в 80-е гг. прошлого века либерализации финансовых рынков, позволившей финансовым компаниям проводить рискованные операции с инструментами хеджирования «без особого надзора со стороны регулятора» [9, с. 40-41].

Предыдущий контекст провоцирует запрос на научное обобщение и научную оценку подобных явлений реальной экономической жизни. Понимая ограниченные возможности такого экскурса, хотелось бы выйти на самое существенное и релевантное с точки зрения авторских замыслов. Нелишним будет заметить, что после критического для мирового социалистического общественного уклада 1991 года заметно снизился интерес в экономической социологии и политической экономии к поиску институциональных социалистических альтернатив капиталистическому укладу. Акцент в научных исследованиях как за рубежом, так и в России переместился на анализ «институционального разнообразия в самом капитализме», что в конечном счете привело к появлению «тезиса о множественности эмпирических моделей капитализма». Даже если он не является свидетельством определенного консенсуса, его можно воспринимать как предостережение от абсолютизации определенной модели. Весьма знаменательно, что (выражаясь нашими словами) «неолиберальный протокол институционального оздоровления капиталистической системы» (больше рынка – меньше государства) является (выражаясь словами отечественных аналитиков) «худшей из действующих альтернатив» [2, с. 151].

Очевидный страновой риск требовал и требует принятия определенных мер и инструментов хеджирования со стороны мегарегулятора. С.Ю. Глазьев уже в тот исторический момент времени оценивал, на наш взгляд, состояние мирового финансового рынка как критическое. В этой связи он указывал на признаки формирования институтов нового мирохозяйственного уклада, ссылаясь на опыт Китая по жесткому ограничению вывоза капиталов из страны (механизм регулирования капитальных потоков по принципу действия ниппеля – вход свободный, а выход на условиях и требованиях государственного регулирования). Главное, на что мы хотели бы обратить внимание, так это возможность этого механизма блокировать спекулятив-

ные атаки против национального валютно-финансового рынка. Россия в то время была не готова идти по такому пути, находясь, по мнению С.Ю. Глазьева, в плену системных требований «Вашингтонского консенсуса» [1, с. 9].

Что касается последнего, то речь идет о либеральном формате (пакете мер либерального толка), разработанном американскими аналитическими центрами и рекомендованном МВФ и Всемирным банком для внедрения экономической политики системных преобразований в деятельность стран, ставших на путь рыночного хозяйства. Негативные последствия ее применения, включая последующие кризисы, показали определенную несостоятельность такого рода проекта. Как говорится, критика не заставила себя долго ждать: были сформулированы (П. Кругманом, Дж. Стиглицом и др.) его главные пороки – это: а) рыночный фундаментализм (радикальное дерегулирование экономики) и б) абсолютизация экономического роста при недостаточном внимании к проблемам распределения доходов и социальной политики. СВО и связанные с ней западные санкции и контрсанкции, по сути дела, разрушают «вашингтонскую конструкцию», по меньшей мере, в ее российском варианте и ставят перед политической элитой и экономической наукой России решение вопроса об институтах того вышеназванного «нового мирохозяйственного уклада» в непосредственную практическую плоскость.

Финал неолиберальной парадигмы и начало сомнительных альтернатив

Прикладной смысл нашего пространного пассажа о судьбе неолиберальных нарративов экономического мышления заключается в том, чтобы показать драматическую картину их разрушения, истоки академического разочарования, а вместе с этим побудительные мотивы поиска новой оригинальной парадигмы развития цивилизации. Не будет выглядеть абсолютной выдумкой наше предположение о том, что Ж.Тироль, отдавший много времени поиску институтов «нейтрализации» финансовых пузырей, однажды обнаружил себя в положении «рыцаря печального образа». Порожденный на почве финансовых кризисов и неудачных экспериментов институционального совершенствования скепсис относительно неолиберальной модели рыночного хозяйства и, в общем, социально-экономического развития усугубляется нынешней политизацией экономической жизни.

Глобализация, выстроенная в неолиберальных канонах рынка, только полвека смогла играть роль слегка затушеванного доводами рациональности и здравого экономического смысла инструмента реализации геополитического интереса глобального доминирования. Когда стало понятным для субъекта этого интереса, что этот инструмент начал приобретать свойства обратного негативного для него действия, а значит, исчерпал себя, достаточно было одной программной декларации претендента на пост президента США, чтобы неолиберальный мирохозяйственный уклад, поддержи-

ваемый коммерческими интересами ТНК и потребительскими интересами их «глобальных клиентов», превратился в свою противоположность.

Цель достижения глобального лидерства, превосходства одной сверхдержавы оправдывала самые сомнительные средства ее достижения, включая погружение мирового порядка в состояние неопределенности, взаимного недоверия и откровенной конфронтации. Как неизбежный итог все этого на ближайшем небосклоне цивилизации «замаячил» риск распада глобальной экономики на отдельные фрагменты по национальному признаку. В условиях такого мира военно-политические аргументы сверхдержавы приобретают больший вес, нежели сравнительные экономические преимущества национальной экономики, а жесткая протекционистская практика, «политический окрик», «политическое табу» становятся повседневными актами современных мировых экономических реалий. Явления и факторы политического свойства, даже вербальная и виртуальная эквилибристика влиятельных политиков (например, Д. Трампа), т.е. все то, что совсем недавно имело второстепенное конъюнктурное значение, теперь приобретает такую силу воздействия, что «путает карты» фундаментального и технического анализа и повышает статус сиюминутного решения. Если принимать это как данность современности, то (приведем слова В. Миловидова) «о рациональности и эффективности современного финансового рынка нужно просто забыть» [9, с. 24].

Оставляемые неолиберальной парадигмой позиции достаточно быстро занимают новыми идеями, вместе с которыми приходят новые нарративы, новые понятия такие, как «перформативная экономика», «перформативная трампономика» и тому подобное, которое может восприниматься как нечто экзистенциальное. Все это, однако, является, помимо уже обозначенных выше обстоятельств и условий, следствием стремительного развития информационных технологий, их возможностей придавать информации свойство, если можно так выразиться, побудительного мотива (императива) к заданному в ней действию. Чтобы не было ощущения при этом далекого будущего, скажем, что уже достаточно давно существует акторно-сетевая теория (АСТ), которая занимается созданием институтов реализации таких возможностей. Указанная выше неопределенность «среды обитания» экономических субъектов провоцирует и усиливает их иррациональное поведение, открывая для экономической науки новую, практически прикладную область.

Неудивительно, что в таких обстоятельствах информационно-технологического, экономического, научного и социально-психологического характера является (мы намеренно использовали этот глагол) «концепция перформативности экономической науки» [9, с. 25]. Картина мироздания, миропонимания и преобразования мира, заключенная в смыслах данной концепции восходит, по нашим представлениям, к духовным откровениям Нового завета («в начале было Слово») и абсолютной идеи Г. Гегеля. Вера

в научное знание, в научную идею, способную преобразовать мир, казалось бы, не несет в себе ничего «крамольного». Однако матрица научного знания, в которой содержание если не обнуляется, то приводится к значению погрешности, а решающее значение приобретает форма (если сказать просто, презентация идеи, а если использовать перевод с английского «performance» в разговорном варианте, то это будет «работа на публику»), несет в себе определенные цивилизационные угрозы. Экономическая наука, преисполненная духом перформативности, готова воспринимать экономическую реальность как результат (репрезентативного с точки зрения массового восприятия) своего мыслительного эксперимента. Выстроенную в формате вторичности бытия идеалистическую конструкцию преобразования (более того, создания пусть даже иллюзорного) мира не следует недооценивать, имея в виду опыт «цветных революций».

Некоторые представители отечественной экономической науки связывают сворачивание проекта глобализации (со всеми вытекающими из этого процесса последствиями) с началом системного кризиса капиталистического мира. При этом «главной неудачей глобализации в ее неолиберальной версии» объявляется то, «что она не смогла привести к общему знаменателю модели экономического развития даже большинства ведущих мировых держав» [2, с. 6]. С последним трудно согласиться, поскольку произошло именно сворачивание указанного проекта «его кураторами» в логике, как уже отмечалось нами, геополитического интереса глобального доминирования сверхдержавы. Как это ни парадоксально, но объекты «неоколониального господства», тот же Китай, «подтянулся» к экономическому уровню «метрополии», стал ее кредитором и был не прочь и дальше «эксплуатировать» либеральный механизм международного движения товаров и капиталов.

Мировая экономическая конъюнктура времен глобализации обладала хоть какой-то линейностью и признаками, так сказать, предиктивности, чего не увидишь в наше время, когда политический императив возобладал над здравым экономическим смыслом, а неопределенность порождает турбулентность. И это в условиях, когда, по мнению известного немецкого экономического социолога В. Штрика, «капитализм богатых демократических обществ переживает тройной кризис» (банковский, государственных финансов и реальной экономики), конца которому «пока не видно» [10, с. 89].

Вместе с этим не следует питать иллюзий относительно «окончательного заката» либеральной идеи, пока не сформировалась альтернативная парадигма общественного, социально-экономического развития, готовая трансформироваться в некий национальный проект, конкурентоспособный по отношению к ней во всех смыслах современной цивилизации. Более того, в течение последних нескольких десятилетий наблюдалось проникновение «рыночных механизмов в устройство социального порядка», приобретающая форму «государственного вмешательства рыночными инструментами» [4, с. 154].

Тем не менее, именно в такие времена растет спрос на образ будущего и, более того, разочарованные прошлым готовы воспринимать любой его проект, пусть даже идеалистический или экзотический. В России политическая элита оформила, по сути дела, «заказ» отечественной науке гуманитарного направления, предав гласности неожиданный для многих тезис относительно того, что «капитализм в его нынешнем виде исчерпал себя». Готова ли отечественная наука «расшифровать» это послание и представить адаптированную для широких масс картину глубокой оценки прошлого, настоящего и будущего России, сказать трудно. Можно только утверждать, опираясь на рассуждения эксперта в области взаимосвязи экономической теории, идеологии и экономических интересов [3, 6], что ожидать появления адекватного указанному вызову, и привлекательного для всего российского социума, феномена экономической теории вне внятного идеологического концепта, мягко выражаясь, неоправданно. Логика текущего исторического момента не оставляет российской политической элите комфортного времени для уточнения своего идеологического кредо. Становится очевидным, что запрос на будущее является планетарным явлением. Но в конструировании образа будущего мы не видим общей закономерности, скорее, свидетельства открытого (вплоть до военного) противостояния разноликой ментальности.

Теория общего блага – продолжение вековой европейской традиции?

Обусловленные «цивилизационным разломом», кризисами неоллиберальной хозяйственной и общественной системы, поиски Запада новой философской доктрины общественного развития разворачивались не на пустом месте. С этим может согласиться и Ж.Тироля, который не отрицает идейное влияние на свое мировоззрение мыслителей и философов прошлых, начиная с XVII века, столетий, таких как Джон Лок, Иммануил Кант, Жан Жак Руссо, Джон Роулс, Джон Харсани. Тем не менее, решающее воздействие на Ж.Тироля оказывали текущие экономические явления и тенденции в научном познании и трактовках этих явлений. Мильтон Фридман, например, заметил признаки трансформации экономической теории (economics), скорее, в «мистическую отрасль математики», нежели в ту, которая связана с реальными экономическими проблемами («...economics has become increasingly an arcane branch of mathematics rather than dealing with real economic problems»). Марк Блауг указывал на болезненное (можно понимать, как кризисное) состояние современной экономической теории, которая все больше «превращается в интеллектуальную игру ради себя самой, а не ради смыслов понимания экономического мира» (Economics has increasingly become an intellectual game played for its own sake and not for its practical consequences for understanding the economic world) [9]. В такой «научной ауре» и могла совершиться «миграция» научных интересов Ж.Тироля в область междисциплинарных исследований и поиска «общего блага». Кстати заметить, в отечественной науке исследуются противоречивые по-

следствия формализации и этической нейтральности экономической теории [7, с. 563].

Подпитываясь европейскими философскими традициями, нарративами теории общественного договора, «архитекторам» общего блага предстояло решение непростой задачи – найти модель консолидации разнородного по всем признакам общества на основе консенсуса его индивидов (уникальных в своей индивидуальности). Речь идет о консенсусе по поводу понимания справедливости и восприятия её в таком «освященном виде» как системообразующей клетки нового общественного организма, пронизывающей все его составляющие, включая, конечно, и экономическую. Выходя на такую высокую (пока можно сказать, футурологическую) траекторию, они должны были понимать, что тем самым они отрицают (вот вам и закон диалектики – отрицания отрицания) действующую либеральную парадигму рыночного хозяйства в качестве материальной основы воплощения общего блага. Во всяком случае, она должна была быть подвергнута «ревизии» («аудиту») по принятым в процессе консенсуса канонам общего блага и обрести должную модернизацию, а точнее, пройти иммунизацию, так сказать, «вакциной» общего блага.

Если обратиться к реалиям западного общества, то навскидку, покажется, что обозначенная выше задача не имеет рационального решения, а иное другое решение будет либо иррациональным, либо смахивать на утопию. Хотя, если хорошо подумать, то это тот случай, когда мы можем отдать должное признание противоречивым, но великим страницам собственной отечественной истории. Как бы мы ни относились к советскому эксперименту, но он открыл миру альтернативу развития нашей цивилизации и стал серьезным фактором и невольным критерием оценки любого последующего социального эксперимента. Существование и самобытное развитие Китая не позволяют утвердиться мысли о его бесславном завершении. Более того, нынешнее состояние человечества, которое может быть определено как «стояние на краю пропасти», уже очевидным образом показывает нам, какого шанса на будущее существование оно (человечество) лишилось, отказавшись от продолжения этого эксперимента.

Ж.Тироль, конечно, не мог не высказать свое отношение к советскому эксперименту, к феномену нового (по его мнению, гипотетического) советского человека. Низкая мотивация индивидов по логике его рассуждений обрекала советский эксперимент на неудачу вместе с тоталитарной организацией общества. Можно слегка «потрафить» нобелевскому лауреату и одновременно (и даже метафорично) уточнить истинную причину такого исхода: закат, а точнее, «рукотворное затмение» идеала «растворило» советского человека в агрессивной среде житейских неурядиц. Как говорится, никуда не деться от материалистической сентенции – бытие определяет сознание.

Наступила пора задаться вопросом: какова же природа того нового

человека, который будет адекватен (релевантный) идеалу «общее благо», и каков режим его мотивации, позволяющий выйти западному обществу на траекторию устойчивого и справедливого развития? Не случайно в хронологический ряд своих идейных предшественников Ж.Тироля поместил И.Канта с его идеалистической философией. Трансцендентальное априорное происхождение такого человека было вполне предсказуемым. И действительно, он должен был стать главной фигурой «мыслительного (даже правильным будет, умозрительного) эксперимента» под названием «покров неведения (или невежества)» (the veil of ignorance thought experiment). Именно такой «абсолютный» (по сути, вне времени и пространства) априорный коллективный индивид, не обремененный опытом социальной жизни и признаками какой-либо идентичности, должен будет определять, что есть общее благо и каковы границы социальной справедливости. Если перевести только что изложенное на более адаптированный для студенческой аудитории язык лекции Ж.Тироля, то это будет звучать следующим образом: представьте себе, что вы еще не рождены (понимай, находитесь под «покровом неведения») и задаёте себе вопрос, какого рода общество вы предпочитаете для своей будущей жизни. В таком умозрительном эксперименте никто не может стать в позицию реального индивида с реальными потребностями и интересами, что и открывает возможность безграничной западной толерантности, то есть двери в «страну общего блага» и согласованной справедливости открыты для индивида любой идентичности.

Внешняя привлекательность такого проекта не снимает проблемы «примирения» трансцендентального когнитивного продукта с реальными институтами организации рыночного хозяйства, институтами государства и госрегулирования, гражданского общества, культуры и морали. Вот здесь западным интеллектуалам следует уповать на креативность западной демократии, что они, собственно говоря, и делают. Именно демократические институты и свободы они рассматривают как серьезный мобилизационный ресурс, способный обеспечить консенсус по поводу формата социальной справедливости и консолидации справедливости как нормы права и справедливости как нормы нравственности (justice as fairness). В теории Д.Роулса такая конструкция справедливости является продуктом мыслительного эксперимента под названием «исходная позиция», или «исходное позиционирование» («the original position») и объявлена как лучшая концепция для демократического общества [13, p. 889]. Не вдаваясь (вслед за Ж.Тиролем) в подробности этой теории, следует все-таки заметить, что демократические процедуры выбора концепции справедливости и их конечный результат – консенсус, не исключают правовой формат поведения граждан демократического общества согласно требованиям данной концепции (имеем в виду, прежде всего, их обязанности). Наверно, будет здесь уместна такая ирония: трансцендентальный дух обретает очертания «сурового закона» (ну разве что его «суровость» смягчена нравственным кодом).

В идеалистической конструкции познания общего блага «мыслительный эксперимент» порождает образ будущего, можно сказать, образец того, «как общество должно быть организовано» («how society should be organized»). При этом Ж.Тироль ограничивает горизонт официального властного социального прогнозирования ведомственными прагматичными соображениями, жесткими требованиями момента, конкретными условиями принятия властных решений, а научному видению, научным идеям отдает долгосрочную перспективу развития общества. Можно сказать, философская традиция продолжается: сначала появляется идея, а затем она разворачивается в практику своего материального воплощения (в философии Г. Гегеля абсолютный дух (идея) порождает практику (историю) своего, так сказать, материального освоения).

«Нобелевский феномен» – это революционный вызов или декларация об институциональных изменениях?

Мы испытываем, как становится очевидным, определенные трудности в том, чтобы найти «революционные идеи», «революционное зерно» создателя экономики общего блага. Приходит на ум то, что в лице Ж.Тироля интеллеktуал-гуманист сфокусировал критический взгляд на либеральную, в общем-то, экономику под влиянием гуманизма, идеи равных возможностей. Речь идет, по сути дела, о гармонии общества, экономики и государства, сознательная целеполагающая деятельность субъектов которых и должна привести к желаемому синергетическому эффекту – общему благу. Утопическая, на первый взгляд, но привлекательная идея не лишает её создателя здравого смысла и рационального восприятия действительности. Математик-исследователь теории игр, в дальнейшем экономист, автор учебника по теории корпоративных финансов (2005 год) не мог совершить поворот в своих взглядах без серьезных на то причин, без вмешательства, так сказать, бескомпромиссной и жесткой по отношению к теории экономической реальности. Не совсем (мягко выражаясь) плодотворная формализация экономической науки приводила в известной мере к отчуждению от практики и к возрастанию спроса, научного интереса к совершенствованию институтов рыночной экономической системы, включая и институты её государственного регулирования. Такое целеполагание порождало определенную проблематику научных исследований, сфокусированной на идентификации специфических изъянов рынка и создании институциональной основы предупреждения кризисов.

Именно вера в институциональное оздоровление рыночного капиталистического хозяйства формировала исследовательские горизонты и в качестве научного обобщения когнитивные модели (можно сказать, надежды) будущего мирового развития. В 2001 г. результаты исследований еще давали надежду Ж.Тиролю на то, что произойдет смягчение циклов деловой активности, что обновленный режим управления ликвидностью поддержит

инвестиционную активность и обеспечит экономический рост, а заодно переход полюса сбережений от стран с низким доходом к странам с высоким доходом. Указанный переход должен был поднять рост мировой экономики и предоставить шанс роста стоимости трудовых ресурсов и уровень жизни в странах с низким доходом [9, с.22].

Финансовый кризис 2007-2008 гг. шокировал западное научное общество, показав несостоятельность научных предположений и необходимость пересмотра главных направлений и акцентов исследования закономерностей рыночной экономики, восстановления макроэкономической теории. Западная академическая наука, по признанию Ж.Тироля, была не готова дать рекомендации органам власти (введившим в разгар кризиса нормативные требования по ликвидности) по таким, например, вопросам, как размер запасов ликвидности и их распыление в разнообразных деловых связях, оздоровление процессов секьюритизации наследуемых активов. Кризис сместил фокус исследований на болевые точки – на проблемы регулирования ликвидности, образования финансовых пузырей, на оптимальный пруденциальный контроль управления ликвидностью финансовых институтов, суверенный долг.

Возникает справедливый вопрос: могут ли эти меры быть панацеей от финансового кризиса и составлять содержание адекватной финансовой политики? Не имея быстрого законченного ответа на этот вопрос, следует отдать должное тем западным аналитикам и экспертам, которые не испытывают особого оптимизма при оценке значимости этих мер, но испытывают сомнения относительно понимания первопричины финансового кризиса в научном сообществе. При таком положении вещей академическая наука не может дать убедительную долгосрочную парадигму будущего развития, но при этом открываются двери для научных идей и экспериментов краткосрочного характера. Идеалистическая иррациональная в известном смысле альтернатива Ж.Тироля (экономика для общего блага) вряд ли может рассчитывать на быстрый успех. Создается впечатление, что она не до конца понята и принята западным научным сообществом, поскольку, как нам кажется, не подвергнута тщательному критическому анализу. Ей скорее уготована судьба постепенного встраивания в мощный инерционный поток идей маржинализма и общего макроэкономического равновесия.

Идея общего блага, как любая другая вера, имеет определенную каноническую основу, т.е. неделимое единство его составляющих. В формате данной идеи – это триптих: рынок – государство – социальная ответственность. Здесь Ж.Тироль вряд ли проявил исключительную изобретательность: разве что «социальная ответственность» несет в себе новизну междисциплинарного научного подхода и функцию катализатора в горниле «страстей по общему благу». Дихотомия экономики в виде рынок – государство на протяжении столетия будоражила умы экономистов и политиков, признающих их сосуществование в воспроизводственном процессе, пони-

мающих причину такого симбиоза (каждый обязан своим существованием несовершенству другого). Оптимальные величины присутствия в этом симбиозе каждого из них стали объектом научного исследования, научных дискуссий, что породило надежду на устойчивое экономическое развитие через процесс совершенствования их институтов. Финансовый кризис, как уже отмечалось, разочаровал исследователей, и они были предрасположены к поиску новых нетривиальных идей.

«Экономическая данность», безусловно, не устраивает адептов общего блага, но «политико-экономический образ» этой категории Ж.Тироль готов был выстраивать на реалиях экономической жизни, имея опыт и компетенции критического анализа. Он не собирался желаемое выдавать за действительность, скорее желаемое (идеи общего блага) обращалось в инструмент такого анализа. На реальные институциональные несовершенства рынка и государства, хорошо известные экономической теории и представленные в учебной литературе, Ж.Тироль смотрел сквозь призму трансцендентальной парадигмы общего блага, отбирая для конструкции осязаемого образа общего блага подходящие элементы. В этой конструкции он не находит место для государства как хозяйствующего субъекта. Вместе с этим финансовый кризис 2008 года он характеризует как кризис государственного регулирования: именно мягкое регулирование и такой же надзор мотивируют недобросовестных хозяйствующих субъектов, которые прямыми и косвенными последствиями своей деятельности угрожают нанести ущерб, вред не только отдельным гражданам, но и всему обществу, национальным интересам. В условиях такого изъяна рынка, как отсутствие полной и симметричной информации, подобные угрозы без особого труда реализуются.

Ж.Тироль понимает, что качество государственного регулирования, надзора и контроля порой зависит не только от применяемых методов и инструментов, а от состояния самого государства как политического института, от предрасположенности государственных служащих к коррупционным сделкам. Государство, независимое от лоббизма, имеющего иммунитет от коррупции, может исполнить свою истинную роль (по канонам общего блага) в качестве не только игрока, но и рефери в современной и будущей общественно-политической и экономической системе. Правило поведения государства в системе координат общего блага – это не осуществлять того, что оно не в состоянии сделать ввиду отсутствия должной информации и риска коррупции. Оно должно объединять интересы компаний с более обширными интересами общества. Вторым каноническим общим благом является воздержание от «политического верховенства». Наиболее понятным проявлением этого правила будет, пожалуй, установление независимой от «власти предрасполагающих» судебной системы, лишаящей их иммунитета от судебного преследования.

Создавая конструкцию осязаемого общего блага, нобелевский лауреат не собирается проводить ревизию финансовой системы: он сохраняет

финансовый сектор, его инфраструктуру, отстаивает институт Центрального банка, его политическую независимость. Он признает, что ошибки в денежно-кредитной политике некоторых центральных банков подвергает риску эту независимость, но он несопоставим с риском использования этого института политиками непосредственно перед выборами для денежной эмиссии (дословно, первоначальной накачки – «pump priming»). Ж.Тироль озабочен (надо полагать, западным, прежде всего) опытом политического вмешательства в деятельность органов денежно-кредитного регулирования, каковыми являются центральные банки [8, с.10].

Главная проблема реформирования институтов власти и институтов рынка по духу общего блага (верховенства общего интереса над частным (личным или корпоративным)) – это поиск надежных и эффективных инструментов этого перевоплощения. Современная глобальная политическая и экономическая ситуация, безусловно, не вносит ни должной ясности, ни оптимизма относительно судьбы идеалистических построений Ж.Тироля.

Заключение

Первое, что должно быть отмеченным в заключении, это то, что все представленные в данной статье оценки и комментарии относительно публичной лекции Жана Тироля носят (за ничтожным исключением) авторский характер и, безусловно, могут быть подвергнуты научному критическому анализу. К тому же данная статья носит характер начального опыта подобного критического анализа, можно сказать, эксперимента, результаты которого изначально было трудно предположить. Исходный авторский замысел ограничиться исключительно текстом публичной лекции «нобелевского феномена» очень быстро обнаружил свою несостоятельность: поместить, пусть даже нескупые оценки и комментарии, в некую недоступную для внешнего мира скорлупу было бы неуважительно к нобелевскому лауреату и недостойно серьезного научного анализа, не игнорирующего диалектику.

По ходу исследования становилось очевидным, что без установления причинно-следственных связей между генезисом «нобелевского феномена» и происходящими в мире процессами мировоззренческого, геополитического, экономического, социального и нравственного порядка понять и объяснить явления подобного рода просто невозможно. Чтобы не опуститься в решении этой непростой задачи до образцов популизма, требовалось вовлекать в научный оборот источники смежных отраслей научного знания и образования. Все это придавало авторским умозаключениям и выводам более доказательный и доверительный характер, а также позволило выйти на глобальный уровень научного обобщения.

Безусловно, окончательный вердикт относительно теоретической и практической значимости любого исследования выносит читатель, в каком бы ранге он ни находился. Тем не менее, автор исследования просто обязан сообщить научной общественности об оставшихся научных проблемах, ждущих своего разрешения. Например, нам остается неясным, как идеали-

стическая по своему происхождению конструкция Ж. Тироля реализуется через номинально существующие институты рыночного хозяйства, иными словами, какова когнитивная модель ее существования и функционирования? Каким образом нобелевский лауреат разрешает противоречие между коммерческой природой этих институтов и гуманистическими запросами, ценностями общества, порожденного «мыслительным экспериментом»?

Имманентно присущий теории общего блага Ж. Тироля общественный и научный резонанс должен был проявиться в запросах общества относительно научной идентификации нашего настоящего и образа нашего будущего. В этом глобальном контексте российское общество не может быть исключением: независимо от готовности российской науки ответить на эти вопросы в мире уже развернулось жесткое идейное противостояние по этому поводу и победить в нем не менее важно, чем победить на поле брани. Данная статья явилась для ее автора определенным триггером в организации своих дальнейших исследований. Уже ведется работа над исследованием концептуальных методологических основ государственного финансового менеджмента, которая позволит уточнить потенциал отечественной науки в решении обозначенных выше судьбоносных для нашей страны вопросов.

Список источников

1. Глазьев С.Ю. Проблемы и перспективы российского финансового рынка в условиях структурных изменений мировой экономики // *Финансы: теория и практика*, 2020, no. 24(4), с. 6-29.
2. Жихаревич Д., Хумарян Д. Пересобрать капитализм: экономическая социология и её «политическое бессознательное» (О статье Н. Флигстина и С. Фогеля «Политическая экономия после неоллиберализма» // *Экономическая социология*, 2021, no. 22(4), с. 149-154.
3. Кирдина-Чэндлер С.Г. Экономическая теория, идеология и экономический интерес // *Alter Economics*, 2022, no. 19(1), с. 71-92.
4. Лебедева Д.Р. Гид по рыночным инструментам государственного вмешательства и решения общественных проблем // *Экономическая социология*, 2022, no. 23(1), с. 154-165.
5. Миловидов В.Д. Перформативная трампономика и финансовый рынок // *Мировая экономика и международные отношения*, 2020, no. 64(2), с. 24-33.
6. Миронова И.С., Сотников С.М. Гносеология развития категории «экономические интересы» // *Вестник ВГУ. Серия: Экономика и управление*, 2021, no. 1, с. 25-36.
7. Нифаева О.В. Противоречивые последствия этической нейтральности и формализации экономической теории // *Alter Economics*, 2022, no. 19(4), с. 563-583.
8. Тироль Ж. Глобальные задачи, профессия экономиста и общее благо // *Финансы: теория и практика*, 2019, no. 23(1), с. 6-12.
9. Флигстин Н., Фогель С. Политическая экономия после неоллиберализма // *Экономическая социология*, 2021, no. 22(4), с. 35-45.
10. Штрик В. Купленное время. Отсроченный кризис демократического капитализма // *Экономическая социология*, 2019, no. 20(2), с. 86-99.
11. Яковлев П.П. Риски мировой рецессии в условиях кризиса глобализации // *Мировая экономика и международные отношения*, 2020, no. 64 (2), с. 5-14.
12. Mierzwa Z. Jean Tirole: Mathematician-Economist-Humanist // *Finance: Theory and Practice*, 2019, no. 23(1), pp. 13-26.
13. Rawls J. *A Theory of Justice*. Belknap Press, 1971.
14. Von Platz J. «The Veil of Ignorance in Rawlsian Theory» // *SAGE Encyclopedia of Political Behavior*. Los Angeles, CA, Sage Reference, 2017, pp. 889-892.

ON THE GENESIS AND MEANINGS OF THE ECONOMICS FOR COMMON GOOD

Chigarev Gennady Georgievich, Cand. Sci. (Hist.), Assoc. Prof.

Voronezh State University, University Sq., 1, Voronezh, Russia, 394018; e-mail: gchigarev57@gmail.com

Importance: serious upheavals in the modern geopolitical and macroeconomic structure of the world carry the threat of irreversible changes and stimulate the demand for innovations in the methodology of analyzing and assessing the current state of affairs and forecasting the future. Any new alternative in the arsenal of world economic thought, moreover, if it has acquired the quality of a «Nobel phenomenon», deserves a thorough critical analysis. *Purpose:* critical analysis of the role of the postulates of the «Nobel phenomenon» in the context of existing economic realities, narratives of «dominant» economic views, explicit and latent requests of society for the image of the distant future. *Research design:* the postulates of the public lecture of the Nobel Laureate in Economics Jean Tirol (Moscow, 2018) are identified using the dialectical method by immersing them in the logic of modern economic realities and trends, as well as in the context of existing scientific concepts. *Results:* this paper verified the author's thesis about the idealistic nature of the theory for the common good, the «genetic origins» of which go back both to European traditions and to modern intellectuals. The author put forward a hypothesis about this theory as a sign of the crisis of neoliberal views, personal disappointments and the search for alternative research solutions. The article contains the author's assessment of the prospects of the neoliberal paradigm and theory for the common good in terms of embedding its meanings into the real institutions of a market economy and a democratic society.

Keywords: economics as a moral and philosophical category, production and supply of the common good, rules of the common good policy, state policy, market imperfection, social responsibility, neoliberal paradigm, globalization, speculative capital, conceptual crisis, image of the future.

References

1. Glaz'ev S.Yu. Problems and Prospects of the Russian Financial Market in the Context of Structural Changes in the World Economy. *Finance: Theory and Practice*, 2020, no. 24(4), pp. 6-29. (In Russ.)
2. Khumaryan D., Zhikharevich D. (2022) Peresobrat' kapitalizm: ekonomicheskaya sotsiologiya i ee «politicheskoe bessoznatel'noe». O statye N. Fligstein i S. Fogel «Politicheskaya ekonomiya posle neoliberalizma» [To Reassemble Capitalism: Economic Sociology and its «Political Unconscious.» On «Political Economy after Neoliberalism» by Neil Fligstein and Steven Vogel]. *Journal of Economic Sociology*, 2021, no. 22(4), pp. 149-154. (In Russ.)

3. Kirdina-Chandler S.G. Economic Theory, Ideology, and Economic Interests. *Alter Economics*, 2022, no. 19(1), pp. 71-92. (In Russ.)
4. Lebedeva D. [A Guide for Market-Based Interventions and Public Problems. Book review on Neyland D., Ehrenstein V., Milyaeva S. (2019) Can Markets Solve Problems? An Empirical Inquiry into Neoliberalism in Action, London: Goldsmiths Press. 324 p.] *Journal of Economic Sociology*, 2022, no. 23(1), pp. 154-165. (In Russ.)
5. Milovidov V.D. Performative Truonomics and Financial Market. *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia*, 2020, no. 64(2), pp. 24-33. (In Russ.)
6. Mironova I.S., Sotnikov S.M. [Epistemology of the development of the category «Economic interests»]. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Economics and Management*, 2021, no. 1, pp. 25-36. (In Russ.)
7. Nifaeva O.V. Contradictory effects of ethical neutrality and formalization of economics. *Alter Economics*, 2022, no. 19(4), pp. 563-583. (In Russ.)
8. Tirole J. Global Challenges, the Economist, and the Common Good. *Finance: Theory and Practice*, 2019, no. 23 (1), pp. 6-12. (In Russ.)
9. Fligstein N., Vogel S. Politicheskaya ekonomiya posle neoliberalizma [Political Economy after Neoliberalism]. *Journal of Economic Sociology*, 2021, no. 22(4), pp. 35-45. (In Russian).
10. Streeck W. Kuplennoe vremya. Otsrochennyy krizis demokraticeskogo kapitalizma [Buying Time. The Delayed Crisis of Democratic Capitalism (excerpts)]. *Journal of Economic Sociology*, 2019, no. 20(2), pp. 86-99. (In Russ.).
11. Yakovlev P.P. Risks of a Global Recession in the Face of Globalization Crisis. *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia*, 2020, no. 64 (2), pp. 5-14. (In Russ.)
12. Mierzwa Z. Jean Tirole: Mathematician-Economist-Humanist. *Finance: Theory and Practice*, 2019, no. 23(1), pp. 13-26.
13. Rawls J. *A Theory of Justice*. Belknap Press, 1971. (In Eng.)
14. Von Platz J. «The Veil of Ignorance in Rawlsian Theory». *SAGE Encyclopedia of Political Behavior*. Los Angeles, CA, Sage Reference, 2017, pp. 889-892. (In Eng.)